

Поиск правды. — 1994. — 23 февр. — с. 3.

Гардемарин Оленин покоряет Турцию

Он не стал гардемарином — в смысле морского гвардейца (звание в русском военно-морском флоте). Он снялся в очередной серии известного фильма, сыграв «гардемарина» Володю Оленина. Для зрителей гардемарины стали олицетворением рыцарства. Для рыцарей всегда был сладок не только дым Отечества, но и образ любимой женщины...

Известие, что Миша Мамаев стал гардемарином, несколько обескуражило.

Когда мы познакомились с Мишей — лет семь назад — он писал стихи. Хорошие и смелые. На фестивале поэзии в Алма-Ате члены жюри, напутствуя его в жизнь, пожелали мужаться.

...Был третий год перестройки. Он был романтиком и не был циником. Рос в хорошей семье. Бабушка его была солисткой Большого театра, а сам он учился в Институте международных отношений. Он был перспективным. Но время уже было такое, когда советских Маяковских уже не вращивали. Постов уже не вращивали, не окучивали и не опекали... Родись он чуть раньше, наверняка его «завербовало» бы государство на смену Вознесенскому и Евтушенко... «Юность», «Смена» давали ему зеленый свет.

Авангардная поэтическая молодежь не принимала его стихов. «Тусовка» искала новые формы, Миша искал нового смысла и открыто — не пряча «кукиш в карман» — боролся с коммунистическим маразмом... Хотя однажды на сцене, под красным фонарем, его аудитория не осмистала, а кричала: «Давай еще!»...

Миша стал героем «Комсомольской правды» и даже «звездой» вечеров газеты с читателями.

— Что было в твоей жизни потом?

— После института я взял свободный диплом, отказался от распределения, попал по договору в «Огонек». Год поработал. Писал стихи. Вышла книжка. Это было продолжение идеалистического взгляда на жизнь. Я думал по-прежнему, что стихами можно все изменить. («Поэт в России больше чем поэт».) Мною владел юношеский максимализм: чтобы всем было хорошо. Я продолжал читать со сцены стихи, но потом все начало меняться, и я тоже. В мозгах пришло понимание, что в стихах мне нужно обращаться не ко всем, а в первую очередь к себе. Или к чему-то, что надо мной... Но никак не к толпе.

В это время у меня начался бурный роман с актрисой. Поэты не могут без увлечений. И вся моя жизнь начала ложиться на актерскую пластику.

И через некоторое время интерес к актрисе перерос в интерес к актерской профессии. Я стал пробовать себя в спектаклях, меня заметили и пригласили на одну из главных ролей в «Гардемаринах». Я быстро погрузился в съемки, костюмы, в сюжет, в характер моего героя... Меня так все захватило, что я понял: надо заниматься этим, а потом всем остальным. Я был близок к тому, чтобы поступить в театральное училище. Сейчас в моей творческой биографии — десятка полтора картин.

Но год назад моя жизнь изменилась и из России переместилась в Турцию. Я поехал туда вслед за своей девушкой. А она — манекенщица. Она собиралась там пробыть месяц, а мы с товарищем планировали к ней подъехать.

Мы приехали, я пошел в агентство, где она работает, а мне предложили там работу. Мы хотели только подработать и согласились заняться рекламой.

— Ты ведь и раньше стремился к независимости и даже деньги за подарки родителям возвращал...

— Я в Турции застрял еще на полгода. За это время то работа была, то ее абсолютно не было. Были времена, когда работал даже в баре. Позже я открыл свою фирму, которая занимается туризмом, культурой, торговлей.

Стихи стали другими. Каждая строчка — это большая ответственность. Так и с прозой. Сейчас я пишу книгу о своей жизни в Турции. Первая уже лежит в столе, но она еще не отлежалась. Называется «Я — новый Адам».

— А в турецкое жизнеописание войдет история, которая стала известна газетчикам, когда вы жили с манекенщицами вместе?

— Это не выдумка. В какой-то момент мы с Наташей жили в квартире, где жили и наши девочки, победительницы «Мисс разных конкурсов». Мы все вместе работали в одном из турецких агентств. И я был первый в Турции человек. Я был единственный среди девушек — парнем...

В последнее время Турция стала модельной державой. На Западе трудно печатать-

ся в журнале. А это можно в Турции осуществить. И уже тогда с фотографиями в журналах ехать в Европу.

— Как ты оцениваешь свою работу в «Гардемаринах»? Тебе не хотелось сняться в другом — не «массовом» кино?

— Каждая вещь в искусстве кого-то обслуживает. «Гардемарины» обращены к очень большой зрительской аудитории. Не случайно Харатьян по рейтингам держит первое место. Народ с симпатией относится к гардемаринам, этим симпатичным людям, защищающим добро. Большинство фильмов добро разрушают.

Я часто слышу оскорбительные высказывания в адрес «гардемаринов», но я «за них».

— Интересно жить — это интересно жить, но писать стихи — это состояние другое, близкое скорее к муке? Оно ушло?

— Стихи не ушли. Раньше к сочинению стихов я относился, как к профессии. Сейчас они приходят ко мне неизвестно откуда и очень редко. Но очень часто стихи мне предсказывали, что случится со мной через два-три месяца. Мне посылались как бы шифр, код к жизни.

Есть в подниманье тяжести свой ритм.

В нем все — и пот, и боль, и очищение.

Расплавленно, как воск, стекает грим

с лица и знаменует превращение

меня, актера, из объекта грез

и пересуд о недостатках роли

я кусок дерьма и гоголевский Нос,

растущий ниже пояса, без боли

отрезанный. Спасибо, что всегда

есть кто-то, кто отстукивает браво

носком ботинка рядом Е-РУН-ДА!

хотя на это не имеет права.

Сегодня время манифестаций и культурных программ прошло. Не стало цензуры — не стало нужды и в протесте. Поэзия предоставлена самой себе. Она вернулась к своим ценностям... Читателей и почитателей у нее осталось мало. Ни авангардисты, ни концептуалисты не стали нужны. В пустыне хаоса поэзия ушла в глубь жизни, как подземные родниковые воды уходят в глубь земли...

Сама жизнь вышла у Миши на первый план. Он словно позаминивал у своего кинорежиссера авантюризм, казующуюся легкость бытия... Он опынен приложениями, трудностями, поисками выхода, самостоятельностью — и самое главное — независимостью, которая сегодня ценится превыше всего.

— А стихи не станут для тебя чем-то вроде забытой мелодии для флейты?

— Сами по себе и профессия журналиста (ради чего я учился) и актерство — не самоцель, а лишь средство... Ведь самое гениальное в жизни — это гениально ее прожить.

РЕЗАНОВ —
ХОРОШИЛОВА.